

Есаков В.Д.

Постановление ЦК и СМ СССР «О судах чести
в министерствах СССР и центральных ведомствах»
28 марта 1947 г.

С начала 1990-х гг., вслед за рассекречиванием архивных фондов, проведена серьезная исследовательская работа, позволившая наметить новые направления исторического изучения и ввести в научный оборот важнейшие комплексы документальных источников.

В расширяющемся процессе исторического познания большое внимание привлёк феномен создания и деятельности судов чести в 1947–1948 гг. Их появление и функционирование неразрывно связаны с процессами утверждения идеологического диктата в стране, вторжения в систему сложившихся в результате Великой Победы воззрений, насаждения единомыслия в оценке происходящих в стране событий и «воспитания» интеллигенции на основе неукоснительного признания правоты проводимого политического курса.

Впервые упоминание и первые ссылки на архивные документы об организации судов чести появились на страницах журнала «Известия ЦК КПСС» в 1990 г.¹ Рассмотрение историками их деятельности началось после публикации нами в журнале «Кентавр» в 1994 г. «Закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу профессоров Ключевой и Роскина»². В дальнейшем архивные материалы о судах чести стали составной частью таких привлёкших внимание изданий как «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953» (М., 2002) и «Сталин и космополитизм» (М., 2005).

К настоящему времени основные итоги изучения этой темы подведены в нашей с доктором биологических наук, главным научным сотрудником Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН Е.С. Левиной работе о сталинских судах чести и деле «КР», вышедшей в 2001 г. в издании ИРИ РАН и 2005 г. в издательстве «Наука»³ и книге историка науки, зоолога по образованию, Кременцова Н.Л. «В поисках лекарства против рака: Дело «КР», изданной в 2004 г. в Санкт-Петербурге в Издательстве Русской христианской гуманитарной академии. Это русский перевод его книги, вышедшей первоначально на английском языке в 2002 г. в издательстве Чикагского университета⁴. О судах чести упоминается в работах о послевоенном периоде развития СССР, среди которых следует назвать прежде всего книги сотрудников ИРИ РАН Е.Ю. Зубковой «Послевоенное советское общество:

политика и повседневность. 1945–1953», А.В. Фатеева «Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954» и Ю.Н. Жукова «Тайны Кремля...»⁵.

Исторический феномен создания и деятельности судов чести неразрывно связан с процессом утверждения идеологического диктата в стране.

Известные постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам 1946 г. стали основой «жесткого» курса, проводимого в СССР, который предполагалось распространить и на работников государственного аппарата. К тому же вскоре стало ясно, что постановления по идеологии затронули сравнительно узкий круг военных и творческой интеллигенции, не обеспечили массового внедрения сталинского отношения к пониманию происходящих в стране и мире событий и политически себя не оправдывали. Тогда в начале марта 1947 г. А.А. Ждановым было поручено Управлению кадров ЦК ВКП(б) подготовить постановление о судах чести. 15 марта 1947 г. ответственные работники Управления кадров Андреев и Бакатин писали секретарю ЦК ВКП(б): «В дореволюционной России не существовало каких-либо судов в гражданских учреждениях, преследующих цель общественного воздействия. Исключение составляли только офицерские суды чести, действовавшие в армии».

Иначе обстоит дело с организацией различных общественных судов в условиях советского строительства. Начиная с 1919 г. по 1930 г. организуются различные общественные суды. Так, в ноябре 1919 г. Совнаркомом РСФСР было учреждено «Положение о дисциплинарных товарищеских судах», которое действовало с некоторыми изменениями до апреля 1923 г. и было отменено в связи с введением Кодекса законов о труде в СССР.

В июне 1923 г. ВЦИК и СНК СССР было утверждено «Положение о дисциплинарных судах» для борьбы со служебными упущениями, проступками и неправильными действиями лиц, занимающих ответственную должность в государственных органах. Эти дисциплинарные суды образовывались при всех исполнительных комитетах, кроме волостных. При ВЦИК действовал Главный дисциплинарный суд.

Дисциплинарный суд помимо обычных административных мер воздействия имел право налагать домашний арест на срок от 3 суток до 1 месяца, лишать права до двух лет занимать руководящие должности в государственных органах, увольнять от должности, обязывать виновных заглаживать причиненный ущерб. Дисциплинарный суд существовал до мая 1928 года.

ВЦИКом были изданы постановления в декабре 1929 г. «О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, государственных, общественных учреждениях и предприятиях», в сентябре 1930 г. постановление «Об организации сельских судов», в июне 1931 г. совместно с Совнаркомом РСФСР было издано постановление «Об организации товарищеских судов при жилищных и жилищно-арендных кооперативных товариществах и при домовых трестах». С некоторыми изменениями эти постановления сохранили силу и после окончания войны.

«Наиболее важное значение для работы советских учреждений в смысле борьбы со всякого рода проступками и нарушениями, — писали разработчики проекта, — были, конечно, дисциплинарные суды. Но эти суды страдали тем недостатком, что они не были рассчитаны на общественное воздействие, так как ни в организации судов, ни при решении вопросов о дисциплинарной ответственности коллектив сотрудников данного учреждения никакого участия не принимал».

Работники Управления кадров ЦК советовались по этому вопросу с некоторыми работниками министерств и с рядом военных работников. При обсуждении проекта о судах чести в министерствах и ведомствах были высказаны некоторые соображения. Так, относительно названия суда было предложено именовать суды, создаваемые в министерствах и ведомствах, судами служебного достоинства. Поскольку эти суды создаются для оперативных работников министерств, то получается, что на технических служащих понятие о чести в известном смысле как бы не распространяется. Поэтому предлагалось организовать в министерствах и ведомствах не один суд чести, а два: один для руководящего состава министерств (начальников управлений и отделов, их заместителей, членов коллегии министерств), а другой для остального оперативного состава работников. У разработчиков проекта спорным оставался вопрос о том, кто имеет право направлять дела в суд чести. Было высказано предложение, что право направления дел в суд чести следует предоставить, кроме руководителей ведомств и их заместителей, еще общественным организациям данного ведомства, центральным профсоюзным органам, Министерству госконтроля и судебно-прокурорским органам⁶.

Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О создании судов чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» было принято 28 марта 1947 г. и подписано И.В. Сталиным и А.А. Ждановым⁷. Предложенные замечания учтены не были. Суды чести создавались «в целях содействия делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства и высокого сознания своего государственного и общественного долга, для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». На суды чести возлагалось рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств.

Суды чести были созданы на один год, проходили в условиях строжайшей секретности и были направлены на внедрение сталинской идеологии в сознание наиболее дееспособной части населения страны — работников партийно-государственного аппарата, руководящего состава промышленности и армии, научной и технической, а не только художественной интеллигенции, включая преподавателей высшей школы и актив комсомола.

Суды чести были созданы в период складывания идеологии холодной войны. Разворачивавшееся противостояние вчерашних союзников по антигитлеровской коалиции являлось не только качественно новым положением системы международных отношений, но и утверждением ряда внутривнутриполитических мероприятий, среди которых значительная роль принадлежала осуществлению антиамериканской пропаганды. В известной работе о холодной войне, вышедшей под редакцией В.С. Лельчука и Е.И. Пивовара, была высказана точка зрения, что эта пропаганда проявилась «после смерти А. Жданова» при активной деятельности Г. Маленкова и Б. Пономарева и нашла наиболее яркое выражение в работах деятелей литературы и искусства⁸.

Однако архивные материалы, и прежде всего личного фонда самого А.А. Жданова, наглядно показывают, что именно под руководством Сталина еще в 1946 г. были заложены основы послевоенного антиамериканизма, которые и утверждались в практической деятельности судов чести. Показательна в этом смысле одна из записей в записной книжке Жданова: «Расклевать преувеличенный престиж Америки с Англией»⁹.

Кратко существо дела КР состоит в следующем. К весне 1946 г. профессор МГУ заведующий кафедрой гистологии Г.И. Роскин и член-корреспондент АМН СССР Н.Г. Клюева завершили работу над рукописью «Биотерапия злокачественных опухолей». Клюева 13 марта выступила с докладом на заседании АМН, в котором сообщила об итогах этой работы и рассказала о деятельности по созданию нового, как казалось, эффективного противоракового препарата. Отчет об этом заседании был опубликован в «Правде» в номере, содержащем ответ Сталина на фултоновскую речь Черчилля, и широко распространен зарубежным радио. Последовали запросы на этот препарат, находившийся еще в стадии разработки, для онкологических больных, особенно из США. Поскольку запросы шли через посольство, то посол У. Смит, сменивший А. Гарримана, сам посетил институт, где была лаборатория Н.Г. Клюевой. Смит же предложил вести совместную работу над этим препаратом, о чем в Министерстве здравоохранения был составлен проект соглашения, о котором правительство не было информировано. Вскоре во главе делегации в Америку с санкции Политбюро поехал ученый секретарь АМН СССР В.В. Парин, с которым были переданы и рукопись книги Клюевой и Роскина для информирования сотрудников Национального ракового института США и возможного издания ее на английском языке, и образцы препарата. В условиях начавшейся борьбы против «тлетворного» влияния Запада этот эпизод был использован для начала массовой идейно-политической кампании. Следствие провел сам Жданов. Его итоги были обсуждены на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 17 февраля 1947 г. На нем основные обвинения были предъявлены министру здравоохранения СССР Г.А. Митереву, было предопределено принятие постановления о судах чести, санкционирован арест В.В. Парина и принято решение об издании книги Роскина и Клюевой,

которая сразу же была выдвинута на соискание Сталинской премии, но не получила ее.

В середине апреля 1947 г. в казалось бы уже сформированной ждановской позиции в отношении сущности новой идеологической кампании и уже утвержденных судов чести происходит радикальное изменение. Конечно, приструнить слишком самовольничающих министров, их замов и прочих номенклатурщиков полезно. Но что это может дать? Эти местные и отраслевые «водители», дорвавшиеся до власти, государственных средств, немалых льгот, и так трепещут перед назначившей и постоянно курирующей их Инстанцией. Теперь же им грозит не просто снятие, а публичное разбирательство и поношение. Большинство из них сразу понимают новые перспективы и становятся еще более осторожными в своих действиях. Чтобы не допустить проступков, начальство резко переориентируется на выполнение директив, избегая самостоятельных поступков, которые могут быть иначе поняты и оценены.

Другое дело творческие работники — ученые, специалисты, деятели культуры и искусства со сложившимся мировоззрением, самостоятельными взглядами, с пониманием собственного места в избранной сфере творчества и вклада не только в развитие отечественной, но и мировой науки и культуры, наследники выдающихся школ или создатели новых направлений научного и художественного творчества. Вот кто должен стать объектом воздействия в новых условиях. Вот кто должен отныне твердо уяснить, что любое их достижение, открытие или творческий успех — это не только и не столько результат их индивидуальных усилий, сколько свершение советской власти и социалистического строя, заслуга государства и его вождя товарища Сталина.

Поворот от государственного чиновничества к творческой интеллигенции — важнейшее изменение, привнесенное Сталиным и Ждановым в намеченную практику судов чести, уже после решений Политбюро и принятия постановления об их организации.

Определяется и критерий для проработки и позора — контакт с иностранцами и прежде всего с американцами. Любой советский гражданин, вошедший в контакт с американцами, вне зависимости от условий, в которых этот контакт осуществлялся, — антипатриот, заслуживающий осуждения и позора. Именно это обстоятельство определило выбор персон для первого показательного суда чести в Министерстве здравоохранения СССР: не бывший министр Митерев, а ученые — профессора Клюева и Роскин.

А.А. Ждановым были сформулированы обвинения, в которых Клюевой и Роскину приписывалась антигосударственная и антипатриотическая деятельность, а Сталин назвал их «сомнительными» гражданами. В.В. Парин был объявлен американским шпионом и осужден.

Дни работы суда чести при Министерстве здравоохранения СССР — 5–7 июня 1947 г. — следует считать началом информирования партийно-государственной номенклатуры, членов партии, руководящих работников мини-

стерств и ведомств, советских ученых и деятелей культуры о новом направлении идеологической работы, которая несколько позднее получит название «борьба с космополитизмом». Главным инструментом внедрения в сознание прежде всего советской интеллигенции и руководящих работников партийно-государственного аппарата сталинского понимания патриотизма и борьбы против влияния буржуазной культуры Запада стали суды чести.

Особенность этих судов состояла в том, что при их проведении не было адвокатов и речи общественных обвинителей произносилась после последних слов обвиняемых. Обвиняемые могли только признать себя виновными, альтернативы у них не было. Общественным обвинителем на процессе Ключевой и Роскина был академик АМН СССР, начальник кафедры хирургии Военно-медицинской академии П.А. Куприянов. Проект его речи был подготовлен министром здравоохранения Е.И. Смирновым, начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александровым, генеральным прокурором СССР К.П. Горшениным и отредактирован А.А. Ждановым. Материалы заседаний судов чести будут храниться под строжайшим секретом, ни одной строчки не появится в печати об их организации и деятельности. Политическое руководство и пропагандистский аппарат найдут иные пути для внедрения избранного курса.

К этому времени Жданов уже подготовит новую директиву об отношении к иностранцам, в которой партийные организации обязывались «покончить с беспечностью и ротозейством, а тем более с низкопоклонством в отношении приезжающих иностранцев» и обеспечить соблюдение государственной тайны. «Работники местных органов, — говорилось в нем, — должны отказывать иностранцам в посещении любого города, предприятия, колхоза, культурного учреждения или иного объекта, если это посещение угрожает нарушением государственной тайны или нежелательно по иным соображениям. В этих случаях наши работники должны отвечать отказом, не вдаваясь в какие-либо объяснения». Директива обязывала «обеспечить через соответствующие организации слежку за пребыванием иностранцев в республике, крае, области, городе с тем, чтобы знать о каждом их шаге и предупреждать возможность их встречи с людьми болтливыми, не умеющими хранить государственную тайну, склонными к раболопию перед иностранцами и другими нежелательными для нас элементами»¹⁰.

25 июня 1947 г. будет принято постановление о въезде и выезде, в котором среди установленных мер утверждается правило, что каждый выезжающий советский гражданин обязуется поставить личную роспись под официально разработанные письменные обязательства. Установленная этим постановлением практика оформления международных поездок на десятилетия станет обязательной для всех советских граждан, выезжающих за рубеж.

Внедрение нового идейно-политического курса будет осуществляться решениями о присуждении Сталинских премий, постановлением о премиях 1947 г.

опубликуют 7 июня, в день принятия решения судом чести Министерства здравоохранения СССР. 10-го июня будет опубликовано постановление «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну» (подписанное Сталиным двумя днями ранее), а также Указ Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за разглашение государственной тайны. В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) утвердит отредактированный Ждановым список иностранных ученых для избрания в состав Академии наук СССР, исключив из него предложенные Президиумом АН СССР кандидатуры американских, английских и мексиканского ученого. Почти 20 последующих лет иностранными членами-корреспондентами АН СССР будут избираться только ученые стран народной демократии. С 16 по 25 июня будет проведена знаменитая философская дискуссия с обсуждением книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», срок проведения которой был напрямую связан со временем проведения суда чести Минздрава СССР¹¹.

В июле 1947 г. жертвами политики стали книги. 16 июля Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение Секретариата ЦК о прекращении издания на иностранных языках важнейших журналов Академии наук СССР — «Доклады Академии Наук СССР», «Физико-химического журнала» и «Журнала по физике», считая, что издание советских научных журналов на иностранных языках наносит серьезный ущерб советскому государству и предоставляет органам иностранной разведки в готовом виде достижения советских ученых. К осени были полностью прекращены публикации резюме, названий журналов и оглавлений в них на иностранных языках. Для покупки и продажи букинистической книги на иностранных языках было разрешено иметь только по одному магазину «Академкнига» в Москве и Ленинграде.

Для пропаганды нового идеологического курса, направленного на утверждение советского патриотизма и перевоспитание интеллигенции, был создан мощный агитационно-пропагандистский центр — Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний.

Клюева и Роскин, несомненно, глубоко переживали публично нанесенную обиду, непонимание коллег и т.п. Психологическая травма усугублялась и резким снижением внимания к ним со стороны тех, кто был ответственен за выполнение постановления правительства о помощи в их работе. Понимая, что лишь поддержка «вдохновителя всех наших побед» может хоть как-то преодолеть их обострившуюся обособленность, Н.Г. Клюева и Г.И. Роскин направляют 30 июня 1947 г. письмо Сталину:

«Мы давно собирались написать Вам, но отложили посылку письма, так как нас ожидал Суд чести. Дни Суда заставили нас о многом передумать, многое пересмотреть, переоценить, многое крайне тяжело пережить. Бесконечное число раз перед нами вставали Ваши слова о патриотизме, о долге советского ученого перед Родиной. Мы поняли ошибочность наших позиций и осудили наши проступки».

Адресат, несомненно, удовлетворен лично ему направленным признанием, в котором еще недавно строптивные профессора осуждают свои проступки и признают правильной политику, направленную на развитие патриотизма советских ученых. Вместе с тем Клюева и Роскин не могут не высказать упрек прошедшему суду, усомнившись в их честности.

«Все же мы не можем скрыть от Вас, — писали они, — что нам очень тяжело, что судебное следствие в одной своей части пошло, как нам кажется, по неправильному пути, обвиняя нас в получении «подарков», отыскивая элементы корысти или лжи. Так могут судить лишь люди, которые не знают нашей жизни в целом — бескорыстной и честной».

Несмотря на громогласно провозглашенные на суде чести уверения, что ученым созданы все условия для решения стоящих перед ними задач, они вынуждены в письме Сталину отметить, что *«производство препарата и вся основная экспериментальная часть лаборатории по-прежнему находится в старом, малоприспособленном помещении, где очень трудно наладить минимальное производство, где от тесноты происходит массовая гибель подопытных животных, где от отвратительных условий погибают многие серии опытов — все это при молчаливом равнодушии дирекции института к судьбе нашей работы»*.

«Таким образом, — продолжают авторы, — мы не в состоянии расширить и углубить достигнутые нами лабораторные результаты и, соответственно Вашему указанию, приступить к более широкому клиническому внедрению препарата...

В целом надо сказать, задержка в выполнении Правительственного Постановления очень задержала развитие наших работ»¹².

В опубликованной нами книге дана специальная глава о судьбе противоракового препарата КР («круцина»). В этом смысле изданная работа явилась и историко-политическим исследованием, и научным трудом по истории медицины.

Все упоминания о судах чести в современной исторической литературе основываются только на деле Клюевой и Роскина. Есть беглое упоминание о создании 80 судов, а число проведенных ими процессов оставалось неизвестным. В результате внимательного просмотра протоколов Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК удалось установить, что с марта 1947 г. по январь 1949 г., за два неполных года, было принято 182 постановления ЦК ВКП(б)¹³.

Как свидетельствуют записные книжки Жданова, только в мае 1947 г. намечалось провести суды чести в 8–10 министерствах. Но к осени были проведены только, как уже упоминалось, три процесса в двух министерствах — дела Клюевой и Роскина, а также бывшего министра Митерева в Минздраве СССР и суд над генетиком А.Р. Жебраком в Министерстве высшего образования СССР. Более того, за три месяца, прошедших после принятия постановления ЦК ВКП(б) о создании судов чести, они были организованы только в 27 министерствах и центральных ведомствах¹⁴. Руководства мини-

стерств не торопились с введением у себя этих не очень понятных и пугающих органов. Никто из политических лидеров был не в состоянии, подобно Жданову, взять на себя обузу подготовки аналогичного суда в другом ведомстве. Необходимость партийной директивы, способной развить идеи «патриотического воспитания», становилась очевидной. Тогда Сталин, получивший письмо от Ключевой и Роскина с признанием влияния суда чести на пересмотр их позиций и ошибочности совершенных поступков, поручает М.А. Сулову, которому уже доверено наблюдение за судами чести, срочно представить соображения об их дальнейшем развитии.

1 июля 1947 г. Сулов, выполняя это поручение, предложил сосредоточить внимание не на организации новых судов, а на всемерной пропаганде уже состоявшегося процесса, и направил Сталину на рассмотрение «проект письма ЦК ВКП(б) о политических итогах дела Ключевой и Роскина».

В предложенном проекте письма ЦК говорилось:

«Центральный Комитет ВКП(б) за последнее время вскрыл много фактов, свидетельствующих о наличии среди некоторой части советской интеллигенции недостойного для наших людей низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и современной реакционной культурой буржуазного Запада. Одним из наиболее позорных фактов подобного рода, вскрытых ЦК ВКП(б), является дело профессоров Ключевой и Роскина, рассмотренное в июне текущего года Судом чести при Министерстве здравоохранения СССР.

Ввиду большого политического значения и поучительности дела Ключевой и Роскина Центральный Комитет ВКП(б) уделил этому делу самое пристальное внимание, непосредственно следил за ходом его с самого начала и до конца и считает необходимым довести о нем до сведения партийных организаций»¹⁵. Этот проект был отредактирован А.А. Ждановым и А.А. Кузнецовым и 16 июля утвержден как «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина».

Вопрос о ходе обсуждения этого письма во всех партийных организациях страны и его итогах стоял на повестке дня высшего политического руководства страны в течение всей второй половины 1947 и начала 1948 гг. Он неоднократно обсуждался на заседаниях Секретариата ЦК, трижды выносился на рассмотрение Оргбюро ЦК — 27 августа, 15 октября и 26 декабря. Выступая 15 октября 1947 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) при рассмотрении вопроса о мерах, принятых в министерствах авиационной и электропромышленности по закрытому письму ЦК ВКП(б) о деле Ключевой и Роскина, секретарь ЦК А.А. Кузнецов говорил: «У нас прошла кампания выборов Судов чести, затем обсуждение закрытого письма ЦК, а дальше идет большой перерыв. Мне кажется, что в реализации закрытого письма ЦК мы встречаем сопротивление. Хочется признавать это или не хочется, но это факт: мы встречаем сопротивление и со стороны партийных руководителей на местах, и со стороны хозяйственных руководителей в проведении целого ряда мероприятий.

То, что товарищи не хотят организовывать Суд, означает, что они сопротивляются той новой форме воспитания интеллигенции, которую установил ЦК и которая себя целиком и полностью оправдала». Кузнецов предлагал проводить заседания судов, чтобы сохранять секретность: «...мы обязаны сохранить секретность в наших учреждениях и министерствах, ударить по болтливости, мы обязаны болтливых людей судить в Судах чести — пусть остальные учатся»¹⁶. Борьба за сохранение секретности и государственной тайны стала вторым основным направлением деятельности судов чести.

Вопреки предложению Сулова Секретариат ЦК 7 июля обязал еще 35 министерств и ведомств СССР провести выборы судов чести¹⁷. Для активизации их деятельности было сочтено необходимым создать суд чести и в аппарате ЦК ВКП(б). Он был создан постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) 23 сентября 1947 г.¹⁸, а следующим пунктом Политбюро приняло решение передать материалы об антигосударственных проступках бывшего зав. отделом печати Управления кадров ЦК ВКП(б) т. Щербакова М.М. и бывшего зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) т. Кузакова К.С. в суд чести при ЦК ВКП(б). К.С. Кузаков рассказывал мне, что первоначально намечались трое обвиняемых, и третьим был Г.Ф. Александров, но затем Сталин благоволил избавить и так пострадавшего философа от новой кары.

Выборы суда чести аппарата ЦК ВКП(б) состоялись 29 сентября. С докладом выступал А.А. Кузнецов. Хотелось бы отметить два момента из его выступления. Он заявил, что этот суд чести был 82-м утвержденным ЦК партии. Это соответствовало реальному положению. Но эта цифра стала и основной при дальнейшей оценке Управлением делами ЦК ВКП(б) общего количества созданных судов чести. Любая акция, связанная с их созданием и деятельностью — определение контингента участников заседаний по выборам судов, проведение выборов и избрание составов судов, утверждение их председателей, — оформлялась специальными записками на имя А.А. Жданова, а затем А.А. Кузнецова. Уже можно говорить, что было создано 90 судов чести. После названного суда были приняты постановления о создании судов в МГБ СССР, Министерстве совхозов СССР, Академии наук СССР, МВД СССР, ВЦСПС, Комитете по информации.

В докладе на выборах суда чести в аппарате ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов ставил закрытое письмо ЦК о деле Ключевой и Роскина в один ряд с такими известными закрытыми письмами ЦК, как от 18 января 1935 г. — «Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова», от 29 июля 1936 г. — «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», от 13 мая 1935 г. — «О беспорядках в учете, выдаче и хранении партбилетов и мероприятиях по упорядочению этого дела», а также директива Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г.¹⁹. В этой связи следует отметить, что создание и деятельность судов чести и закрытое письмо ЦК о деле Ключевой и Роскина явились самой секретной из всех массово-политических

кампаний, проведенных СССР. Ни одной строчки о них не появилось в печати. Они не упоминались ни в одной из работ по истории партии, ни в многочисленных работах о политико-просветительной работе. О них не было известно ни историкам, писавшим по идеологическим вопросам, ни советологам.

Заседания суда чести в аппарате ЦК ВКП(б) состоялись 23–24 октября 1947 г. В соответствии с утвержденным контингентом в 1136 человек на них, как и при выборах суда, должны были присутствовать начальники управлений и их заместители, заместитель председателя КПК и члены Партколлегии, председатель Центральной ревизионной комиссии, инспекторы ЦК ВКП(б), помощники секретарей ЦК, заведующие частями Особого сектора и Техсекретариата Оргбюро, секретари секретарей ЦК, заведующие отделами управлений и их заместители, руководители пропагандистских групп, групп консультантов и лекторов и их заместители, лекторы и консультанты, инструкторы отделов и инспекторы, ответственные контролеры КПК, их заместители и помощники членов Партколлегии, заведующие секретариатами управлений, информаторы и контролеры Управления по проверке парторганов, референты и редакторы Отдела внешней политики. В контингент участников входили директор ИМЭЛ, его заместители, ученый секретарь, зав. отделами, их заместители и старшие научные сотрудники, а также директоры и ректоры и их заместители по Музею Ленина, АОН, ВПШ, редакторы, их заместители и зав. отделами журналов «Большевик» и «Партийная жизнь»²⁰. По такому же принципу были утверждены контингенты участников для заседаний судов чести по всем министерствам и центральным ведомствам.

В результате суда Щербаков и Кузаков были обвинены в потере политической бдительности и чувства ответственности за порученную работу, им был объявлен общественный выговор, после чего они решением Секретариата ЦК были исключены из партии.

Сводные материалы Управления делами ЦК ВКП(б) показывают, что в 1947 г. было проведено 9 судов и в январе–марте 1948 г. — 19, всего 28 судов, т.е. только в трети министерств и ведомств. Но эта цифра, по нашему мнению, требует проверки по фондам министерств и центральных ведомств СССР и их парторганизаций.

Деятельность большинства судов чести, когда их проведение определялось главным образом инициативой министерств и ведомств, продолжался до середины марта 1948 г., до проведения суда чести в Министерстве государственной безопасности СССР.

Избрание состава суда чести в этом министерстве состоялось 4 ноября 1947 г. на конференции доверенных по выборам суда чести МГБ СССР. На конференции секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов, как свидетельствует стенографическая запись, так начал свое выступление:

«Товарищи, если до недавнего времени отдельные товарищи, работающие в Министерстве госбезопасности, ставили вопрос о том, как, мол, так

Министерство госбезопасности, которое призвано стоять на страже интересов государства, вести беспощадную борьбу с врагами народа, и вдруг организует Суд чести, то мне кажется, что после заслушанного доклада тов. Абакумова и тех прений, которые развернулись, стало ясным, что Суд чести нужно организовать и в Министерстве госбезопасности.

Необходимость организации Суда чести вызывается тем, что чекистские органы в нашей стране должны быть образцовыми органами во всех отношениях.

Чекисты должны быть истинными патриотами, глубоко осознающими свой государственный и общественный долг.

Да, мне кажется, не к лицу вам отставить от Центрального Комитета партии, а я вам могу сказать, что мы Суд чести в нашем аппарате также организовали, и не только организовали, а провели уже заседание. Я думаю, что вы не отстанете от нас»²¹.

В своем выступлении А.А. Кузнецов на одно из первых мест в деятельности МГБ поставил работу среди интеллигенции. «Органы государственной безопасности, — говорил он, — должны усилить чекистскую работу среди нашей советской интеллигенции.

Партия ведет работу среди советской интеллигенции, и мы будем воспитывать интеллигенцию в духе искоренения низкопоклонства перед заграницей, будем судить Судом чести и т.д. Мету воспитания дополним мерой административного воздействия.

Видимо, по отношению кое-кого из представителей интеллигенции, уж особенно преклоняющихся перед Западом, мы должны будем принять другие меры, именно — чекистские меры»²². Эти меры особенно ярко проявятся несколько позже, в борьбе с диссидентским движением.

Информация о состоявшемся суде, естественно, была направлена Сталину, с которым проведение этого суда не было согласовано. Он собственноручно написал текст четырех пунктов решения Политбюро, приписав сверху: «Постановление ПБ от 15/III». В этом постановлении, протоколно оформившем волю вождя, было признано «неправильным, что т. Абакумов организовал суд чести над двумя работниками Министерства без ведома и согласия Политбюро», и Абакумову было поставлено на вид. Секретарю ЦК Кузнецову было указано, что он «поступил неправильно, дав т. Абакумову единолично согласие на организацию суда чести над двумя работниками». Решение суда чести МГБ было приостановлено. Впредь министрам было запрещено «организовывать суды чести над работниками министерств без санкции Политбюро»²³.

Отныне проведение судов чести было возможно только после получения согласия Сталина и принятия решения Политбюро. Это противоречило существующему постановлению о судах чести от 28 марта 1947 г., но по требованию «вождя народов» А.А. Жданов и М.А. Суслов подготовили новый законодательный акт в его развитие и создали проект постановления об организации

«верховного» суда чести — Суда чести при Совете Министров СССР и ЦК ВКП(б). Но этот орган так и не был утвержден.

Политбюро ЦК выдало весной 1948 г. только одно разрешение на проведение суда чести в Комитете информации, но никаких подробностей о нем установить пока не удалось.

6 июля 1948 г. полномочия судов чести были продлены еще на один год. В тот же день было принято и решение об отпуске А.А. Жданова, из которого он не вернулся. Вместе со смертью А.А. Жданова и начавшимся вскоре делом ленинградцев, по которому был обвинен и другой активнейший организатор этих секретных органов морально-психологического воздействия на интеллигенцию и работников госаппарата А.А.Кузнецов, а также с переходом к проведению санкционированных Сталиным «научных дискуссий» и официально развернутой кампанией по «борьбе с космополитизмом» ведомственные «суды чести» практически прекратили свое существование.

Непродолжительный период создания и деятельности судов чести оказал огромное влияние на изменение общественного сознания и морально-психологического климата в советской стране. В строгом смысле эти суды, официально созданные прежде всего для воздействия на работников центрального государственного аппарата, своей задачи в полной мере не выполнили. Советская бюрократия отстояла свои позиции даже в условиях жесткой сталинской диктатуры. Воздействие на госаппарат ограничилось несколькими случаями борьбы со злоупотреблениями служебным положением, с хищениями государственных средств, что сразу же было усвоено чиновниками. Абсолютное большинство из созданных в министерствах и ведомствах судов чести так и не развернули своей деятельности. Основными жертвами прошедшей политико-идеологической кампании стали, в первую очередь, представители интеллигенции. Все силы тоталитарного государства были направлены на борьбу с любыми проявлениями отхода от проводимого политического курса. Это привело к расколу общества на «обвиняемых» и «судей», к осуждению не только инакомыслия, но и любой научно обоснованной или гражданской позиции, в которой усматривался отход от тогдашней политической практики.

Эффект же от судилища над по существу оклеветанными профессорами Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскиным и от повсеместного обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) был достигнут. С помощью этих акций был утвержден абсолютный диктат государства во всех сферах жизни советского общества, утверждена строгая секретность в области государственной деятельности, во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, в армии и на транспорте, в продовольственном снабжении населения, в организации планирования и статистики, науки и научно-технического творчества и т.д. Прибыло полку добровольных «наблюдателей». Таким образом, с помощью массовой политико-идеологической кампании была достигнута такая система власти, которая позволила контролировать все общество.

Можно полагать, что проблема создания и деятельности судов чести в 1947–1948 гг. имеет основание развиваться в самостоятельное направление исторической науки, исследующей послевоенный период развития страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 135–137.

² Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело «КР» (Из истории гонений на советскую интеллигенцию) // Кентавр. 1994. № 2. С. 54–69. № 3. С. 96–118.

³ Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., ИРИ РАН. 2001. 455 с.; Они же. Сталинские «суды чести»: «Дело “КР”». М., «Наука». 2005. 432 с.

⁴ *Kremensov Nikolai*. The C u r e. A Story of Cancer and Politics from the Annals of the Cold War. Chicago. 2002. 261 p.

⁵ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М. 1999. С. 187–191; Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М. 1999. С. 66–67; Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М. 2000. С. 410–412.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1526. Л. 95–97.

⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 135–137; Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС 1945–1953. М. 2005. С. 108–109.

⁸ СССР и холодная война. М. 1995. С. 15–17.

⁹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 177. Л. 13об.

¹⁰ Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. С. 128.

¹¹ Там же. С. 235–236.

¹² Там же. С. 246–249.

¹³ Есаков В.Д. О сталинских судах чести в 1947–1948 гг. // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2006 год. М., «Наука». 2007. С. 545–562.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 859. Л. 57.

¹⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 29. Л. 72. См.: Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. С. 250.

¹⁶ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953. М., РОССПЭН. 2002. С. 233, 235.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 313. Л. 87.

¹⁸ Там же. Оп. 3. Д. 1066. Л. 53. Опубликовано: Источник. 1994. № 6. С. 70.

¹⁹ Источник. 1994. № 6. С. 74.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 320. Л. 114–115.

²¹ Там же. Оп. 121. Д. 572. Л. 217.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 320. Л. 219.

²³ Там же. Оп. 3. Д. 1069. Л. 28. Опубликовано: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 262.